

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА

Леонид Гартунг

Евгений ОСОКИН

Я. Р. Кошелева и Г. И. Пелиц изучали устное творчество хантов, манси, селькупов. По мотивам фольклора малых народов обского Севера Евгений Осокин написал ряд новых сказок и легенд. Некоторые из них мы публикуем ниже.

(Хантыйская сказка)

золото. Хоть монетка останется — не выйдешь.

Выгреб Саргач все золото, выбрался сам не помнит как. И золото жалко и страх ваял. Вылез, значит, обернувшись, а двери уже нет. Исчезла. Он за народом бросился. Рассказал. Пошли люди на тот остров. Нет двери. Никакой приметы нет. Копать принялись. А Саргач вьюном вьется.

— Бери, говорит, золота сколько хочешь, а сама гляди на меня, гляди...

Роют. Земля и земля. Песок, глина. Камни.

Осварчали люди. Бить Саргача стали.

Одни говорят:

— Не ври!

Другие бить и приговаривают:

— Не жадничай, не жадничай! И без седла хватило бы.

Похвастался.

(Селькупская легенда)

Меж Енисеем и Обью места высокие. Так вот там, у гор, стоял дом Большого богатыря. У него и сын — богатырем был.

Раз проснулся Большой богатырь среди ночи, слышит: Гром гремит. В ярости огонь из гор выскакивает. Посылает богатырь сына:

— Чуга чельель*). Скажи, чтобы перестал, да спать мешать, зверя-рыбу пугает.

Сын вышел, сказал Грому: «Неревя». Потом крикнул: «Перестань». Камни-то, поблещели тучи, а Гром не утихал. Вернулся Молодой богатырь, говорит отцу:

— Не слушается, меня. Скажи сам.

Отец снова послал его, наказав:

— Возьми лук, выбей из рук Грома камни.

Натануш Молодой богатырь лук выстрелил. С треском расколотило небо. Выронила Гром из рук свою большой камень. Упал он. И хотя бы там тут гора — стало глубокое длинное озеро. Гора разделила Обь и Енисей и потому с одного конца озера вода потекла через течь в Обь, а с другого — через Малый Кас в Енисей. А Гром не унимался. Тогда вышел Большой богатырь. Натануш лук, да так и застыл. Это Нуми-Гром ум испугался богатыря и превратился в селкупу.

*) Гром гремит. Букв. — туча ревет (селкуп.).

(Ненецкая сказка)

ном пучке проглотил он немешущую было от страха Мышку. Помини-маша в животе Лося, видит: плохо дело. Надо что-то придумать. Пото-чому она зуб о зуб и говорит:

— Точу-точу ножик, Лосю живот разрежу, в поле выйдю.

Испугался глупый Лось, хотел прощения просить у Мышки, а по-том спохватился: у кого просить? Ведь он же съел ее. Да и как бы он проглотил Мышку с ножом? «Нет у нее ножа», — думал Лось, гордясь своей пронырливостью и мудро-стью. — Пугает!»

— Врешь, и-не выйдешь! — прорычал он.

И вылез от боли. Это Мышка от страха вцепилась зубами в его жи-вот.

Ему бы извиниться, сказать: «Обожди, Мышка, я сам выпущу те-бя на волю», а он, слома голову, ки-нулся обратно в лес.

«Пропала теперь», — испугалась Мышка и еще сильнее стиснула зу-бы. Дрожит, зуб на зуб не попадает. Помутилось у Лося в глазах от боли, и он сразу же стукнулся лбом о кедр.

Убился. А Мышка успокоилась, спи-рсила Лося, что ей делать, как вый-ти. Он отвечает Лосю. Тогда она про-грызла живот, посмеялась над глупым Лосем и вернулась в поле.

Василий КАЗАНЦЕВ

Не потому...

Не потому, что в разный врет
 Кусты раскрашивает осень,
 Вновь оживает в сердце
 след
 Отшелестевших лет и весен.
 Не потому, что тает зной,
 Не потому, что дни короче,
 С такою жадной новизной
 Вдыхаю воздух теплой ночи.
 В нежарких солнечных лучах
 И в осеняющем звоне
 Я опущу на плечах
 Дрожащие лиственных
 ладоней.
 Так с каждым годом все
 нежней
 И ослепительнее осень.
 А с каждой осенью ясней
 Вся прелесть зим, и лет,
 и весен.

Вадим ИВАНОВ

Осень пахнет грибами.
Как он царственен, груздь!
(Свой язык за зубами
Придержи, не забудь!).

Осень пахнет укропом,
Смординовым листом,
Чем-то с детства знакомым
И все ж новым притом.

Горьким хмелем разлук.
Паутиночка, паутинка,
Где ты, нежный мой друг?
Осень свадьбами пахнет,
Необытным жильем,
Школьным форменным
И новеньким букварем.
Пусть дороги осклизли,
Ветра стонет струна.
Ярым запахом жизни
Пахнет осень у нас!

— Занемог он, с утра не подымается.

Женщина хотела закрыть дверь, но Петяка придержал ее ногой.

— Комбайн встал. Авария!

— Ня днем, ня ночью спокуюю — вздохнула женщина и ушла из дом. Катя и Петька двинулись за ней.

На широкой кровати, раскинув руки, спал механик. Лицо у него было толстое, заросшее черной щетиной. Женщина потрясла его за плечо.

— Минька! А Минька! Слышь — А-а...

— Минька! Слышь, люди к тебе. Комбайн поломался.

— А черт с ним, — внятно прозвучал механик.

— Михаил Тимофеевич, проснитесь! — сказала Катя.

— Дядя Миша, только поднимите... — уточнил Петька.

Механик открыл мутные, красные глаза. По ним было видно, что он просто-напросто пьян.

— Вот, — протянула Катя бутылку.

Петька достал авторучку и веж-

Красные глаза поморгали и начали закрываться. Катя испугалась, что все начнется сначала.

— Михаил Тимофеевич! Да ка-
вам же стыдно!

— Проснитесь, я вам говорю!
Один глаз удивленно раскрылся.
Механизм вздвинулся, изобразил

— А теперь к кладовщику...
На улице Петька спросил Катю:
— Ты, наверное, дочка Вани-
ных?
— Никаких Ваниных не знаю.
— Так чья же ты?
— Сестра...

— Своя совошенная.
 Ей стало почему-то очень смешно, и она засмеялась громко и весело.
 — А я знаю, — продолжала Петька. — Ты у Петровых остановилась.
 — Нет, не угадал.
 Они шли по улице, а машина Петихоньку следовала за ними.

— Ну, значит, практикантка?

— А вот и нет.
— Новая учительница?
— Опять не то.
Справа на скамеечке мерцал
огоньки папирос.
— Эй, ребята, — крикнул Петя
ка, — Вахлакова не видели?
— Он с Вальковой на берег по

Петя обернулся к шоферу:
— Вы обождите. — И улыбнулся Кате: — Адрес точный — на берегу.

Повернули в переулок. Под ногами влажная трава. Через чужую ужалила крапива. «Как все странно: и то, что я здесь, и то, что ищу кого-то. Выходит, маршала не было».

— Дай руку, — сказал Петя, — здесь голову сломаешь.

Катя протянула ему руку. Осторожно помог спуститься по тропинке, бегущей круто вниз. Луна раскинулась по всему плеск желтыми искрами, огоньками.

Сквозь хвою сосен просачивались редкие звезды. Под соснами на кручей сидела даже. Парень и давушка. Ее голова у него на плече.

Петя осветил их фонариком. Давушка вскрикнула, закрыла лицо руками. Парень поднялся угрозюще.

— Ну, чего тебе?

— Товарищ Вахлаков, — вы-
шлась Катя. — У нас срочное де-
ло. Авария... Вот записка Баталь-
она.

Возвращались в село гусько-
во. Впереди шел Петя, за ним Катя.
Сзади Вахлаков со своей подруж-
кой.

— Вы извините нас, — обратилась Катя к Вахлакову. Тот засмеялся.

— Ничего. Недолго осталось звезды караулить. Вот уборочный закончим и свадьбу сыграем.

— Снажешь тоже! — отозвалась Валя. — Вы его слушайте, бабье! Он царевич!

Все вчетвером сходили на склад. Катя получила новый нож и запаяла пальцы. Петя помог уложить в кузов машины. Улучил минуточку и шепнул Кате:

Обратный путь оказался короче. И вот знакомое поле. Знакомые очертания леса. Илья... Он успел уже снять потный старый нож, отделить поломанные пальцы, склепать цепь.

Потом Катя помогала Илье: заворачивала гайки, подавала ему то молоток, то гаечный ключ, то зуп...

ушла по стерне к полевому стану. Наозуль забралась в глубь темной го вагончика, сняла туфли... Пахло свежей соломой, овчиной. В небе теплилась бледно-зеленая полоска — тонкое начало рассвета, из открытой двери в лицо тянуло острым предутренним холодком.

Катя лежала и думала об очерке. А что, если так и написать все...

Подремал старым тулуп, который он вынул из-под плеча, накрыл ноги в тонких хлопчатобумажных капроновых чулках. Посмотрел в запыленное ее лицо, усмехнулся: «Чумазая».

Катя спала долго. Он ждал, когда она проснется. Умылся, вскипятил чай. Подремал немножко в тени вагончика.

Проснувшись Катя часов в десять

— Вы не представляете... Д

Позавтракали возле догорающего костра.

— Что ж, поедем?

— Так быстро? — удивилась она.

— Как хотите.

— Нет, нет, — воскликнула она вскакивая на ноги. — Конечно надо ехать. Я ведь сумасбродка.

— Может, побродить?
По его лицу она поняла, что ему

— Вот перед ними канава, по которой заросшая травой. Катя разбежась и прыгнула через нее, и случилось легко и изящно. В жизни так не прыгала.

— Откуда здесь канава?

— Лес горел. Копали, чтобы огонь перехватить.

На минуту представила себе пламя, дым, услышала потрескивание.

...Зашли в смородинник. Но
где на ветвях висели еще не ос-
павшиеся крупные, чуть повя-

д. мгнов
с- дост
ть дал
гу нул
Кате
на ро
зовую
ладош
ку г
стую
души
стую
каплю.

